

УДК 316.334:21

Конструирование образа ваххабизма в печатных СМИ**Нурутдинов И.И.**

Соискатель кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Сафин Р.Р.

Доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Салагаев А.Л.

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье анализируются основные особенности конструирования образа ваххабизма в ряде общефедеральных газет. Авторы рассматривают превазирование тех или иных тем в медийном дискурсе и выделяют основные дискурсы, которые используются для конструирования образа ваххабизма.

Ключевые слова: ваххабизм, социальное конструирование девиаций, исследования печатных СМИ.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось бурным развитием ислама в Российской Федерации, почва для которого была подготовлена еще во время перестроечных 1980-х гг. Обратной стороной реисламизации в России стало появление и усиление влияния ваххабизма – религиозно-политического направления в исламе, которое рассматривается в качестве секты ортодоксальным мусульманским большинством.

Появление ваххабитов в России, как в виде различных миссионеров из арабских стран, так и в виде их местных последователей, породило активное обсуждение ваххабизма в пространстве публичных дискурсов: дискуссии о ваххабизме попали в риторiku первых лиц государства и политиков, представителей силовых структур, религиозных деятелей.

В данной статье будут рассмотрены особенности конструирования ваххабизма как религиозной девиации в ряде печатных СМИ нашей страны.

Для исследования печатных СМИ были отобраны три многотиражные общефедеральные газеты – «Известия», «Российская газета» и «Независимая газета». В указанных изданиях были изучены все публикации за период 2001-2011 гг. и выделены те из них, которые содержали ключевые фразы «ваххабизм / салафия» или их производные, а также рассматривали проблематику ваххабизма в качестве основной (или одной из основных) темы. Общий объем статей, отобранных для анализа, составил: «Известия» – 34 статьи, «Российская газета» – 35 статей, «Независимая газета» – 38 статей.

Распределение отобранных для анализа публикаций по исследуемым годам показало интересную закономерность. Выяснилось, что устойчивый интерес к теме ваххабизма в изученных газетах прослеживается в периоды 2001-2005 гг. Далее имеет место трехгодичный период (2006-2008 гг.) практически нулевого интереса к теме, в котором значительно снизилось число статей, анализирующих проблематику ваххабизма. Начиная с 2009 г. снова наблюдается рост интереса к ваххабизму со стороны печатных изданий, хотя и не такой значительный, как в период 2001-2005 гг.

Нетрудно заметить, что частота освещения проблематики ваххабизма в прессе тесно связана с террористической деятельностью на территории России. Период 2001-2005 гг. характеризовался чередой крупных террористических актов: захват самолета с заложниками в Стамбуле (2001 г.), теракт на Дубровке (2002 г.), взрыв на фестивале в Тушино (2003 г.), захват школы в Беслане, теракты в метро и взрывы самолетов (2004 г.), нападение боевиков на Нальчик (2005 г.). Повторный рост числа публикаций о ваххабизме в 2009-2011 гг., очевидно, связан с подрывом «Невского экспресса» (2009 г.), терактами в московском метро и Кизляре (2010 г.), а также взрывом террориста-смертника в аэропорту «Домодедово» (2011 г.). Таким образом, вплоть до середины 2000-х годов печатные издания демонстрируют моральную панику, связанную с проблемой ваххабизма, которая затем резко деактуализируется (спад моральной паники) и в дальнейшем, после активизации терроризма на территории России, возрождается лишь отчасти, не в полную силу.

Справедливость предположения о том, что численность публикаций о ваххабизме в отечественной прессе прямо коррелирует с террористической активностью в стране, подтверждается и тематическим анализом статей. Тематическое соединение ваххабизма и терроризма / деятельности незаконных вооруженных формирований весьма распространено и в наибольшей степени представлено в «Российской газете» (42,9 %). Более того, темы, связанные с деятельностью ваххабитов в Поволжье и традиционно русских регионах, равно как и темы, связанные с особенностями ваххабизма на Северном Кавказе, также рассматривают ваххабизм в тесной связи с терроризмом. Удельно больше доля материалов о деятельности ваххабитов в Поволжье в «Независимой газете» (18,4 %), причем основная доля таких материалов посвящена Республике Татарстан. Особенности ваххабизма на Северном Кавказе относительно чаще рассматриваются в «Известиях» (8,8 %).

Довольно распространенной является тема сравнения ваххабизма и традиционного ислама. Сама по себе подобная тематика весьма многообразна и включает, помимо прочего, дискуссии о сектантской

природе ваххабизма, об осуждении традиционным исламом ваххабизма как ереси и т.д. Доля материалов данной тематической направленности примерно одинакова во всех проанализированных печатных изданиях («Известия» – 17,6 %, «Российская газета» – 14,3 %, «Независимая газета» – 23,7 %).

Еще одной, довольно широко представленной темой является тема противодействия и борьбы с ваххабизмом (относительно велика доля публикаций по данной теме в газете «Известия» – 17,6 %), т.е. риторика социального контроля над ваххабитской девиацией. В «Российской газете», в отличие от остальных изданий, присутствует тематическое направление, демонстрирующее «подноготную» ваххабизма – в эту категорию были отнесены статьи об экономических интересах ваххабитов / террористов, про их аморальные поступки и бандитские выходы (8,6 %). Что же касается «Независимой газеты», то ее отличает, во-первых, относительное превалирование статей про ваххабизм в соседних государствах (Украина, Азербайджан, Таджикистан) (13,2 %), во-вторых, присутствие ряда аналитических статей, подробно рассматривающих историю ваххабизма и ваххабитское мировоззрение (5,3 %), и, в-третьих, – статей, в которых осуществляется попытка деконструкции негативного образа ваххабизма (5,3 %).

Далее рассмотрим выделенные темы с точки зрения конструкционистского анализа. Существенный вклад в конструирование ваххабизма как девиации осуществляется через риторiku террористических угроз. Дискурсивная связь между ваххабизмом и терроризмом выстраивается в изученных публикациях с помощью различных приемов и методов. Прежде всего, сам факт внесения печатными СМИ в повестку дня связи между ваххабизмом и терроризмом / вооруженными попытками изменения государственного строя представляет собой стратегию сближения проблем (С. Холл). Эта стратегия следует за использованием агентами социального конструирования (СМИ, политики, академическое сообщество и пр.) стратегии «сигнификации», т.е. закрепления определенного понятия со всеми сопутствующими коннотациями за определенным явлением. При использовании стратегии сближения проблем рассматриваемое явление встраивается в ассоциативный ряд иных явлений, рассматриваемых как социальные проблемы.

Схождение проблем ваххабизма и терроризма имеет в газетном дискурсе довольно четкий географический маркер, который устойчиво ассоциируется с обозначенным «клубком проблем». Речь идет о Северном Кавказе, и географическими маркерами, используемыми для сигнификации ваххабизма, являются такие обозначения, как «Чечня», «Дагестан», «Ингушетия» и «Кабардино-Балкария». В конструировании образа Чечни как очага ваххабизма и связанного с ним терроризма активно исполь-

зуются т.н. «образы прошлого» – «дискурсивные картинки», отсылающие читателя к событиям, происходившим в «Независимой Ичкерии» (работоговля, захват заложников, насилие и пр.). Что же касается остальных северокавказских республик, то, опять-таки, образ Чечни в статьях о них неизменно предстает в качестве места «дискурсивного возвращения» – журналисты постоянно обращаются к чеченской проблеме в своих статьях, что неизбежно приводит к риторическому усилению представлений о силе и живучести ваххабитского подполья на всем Северном Кавказе.

Генерированию моральных паник, связанных с ваххабизмом в начале 2000-х гг., безусловно, способствовал газетный дискурс террористок-смертниц. Дискурсивное соединение проблемы женского терроризма и ваххабизма символически превратило последний в идеологию «промывания мозгов», способную превратить женщин в безжалостных и кровавых убийц гражданского населения.

Примечательно, что газетные публикации, которые были посвящены взрывам террористов-смертников в последние годы, в меньшей степени акцентировали связь между действиями террористов и ваххабизмом, хотя, безусловно, имплицитное конструирование подобной связи сохраняется в печатных СМИ и по сей день. Например, широко используются термины «шахидка» и «пояс шахида», которые семантически несут коннотации, связанные с ваххабизмом.

Риторическая связка «традиционный ислам versus ваххабизм» в официальных изданиях (в частности, в «Российской газете») конструируется через стратегию отстройки, при которой ваххабизм противопоставляется классической мусульманской религии и предстает в образе радикального течения или даже секты.

Подобное дискурсивное различие проводится для того, чтобы образ «Чужого» включал в себя только тех, кто встраивается в конструируемый образ ваххабита. Тем не менее печатные издания признают, что на обывательском уровне любой мусульманин может стать объектом исламофобии, сгенерированной постоянным контекстуальным воспроизводством ассоциативного ряда «ислам» / «ваххабизм» / «терроризм». С другой стороны, результаты исследования печатной прессы свидетельствуют о том, что сами медийные публикации явно или неявно конструируют ассоциации, ведущие к исламофобским настроениям в обществе.

В противоположность стратегии отстройки в ряде публикаций печатных изданий используется другая стратегия, которая имплицитно конструирует тесную связь между ваххабизмом и российским мусульманским духовенством, на фоне которой отдельные «традиционные» имамы и муфтияты предстают как исключение из правил. Газетный дискурс

нередко возлагает ответственность за подобное положение дел на самих духовных пастырей российских мусульман, которые обладают низким уровнем богословской подготовки и больше ориентированы на борьбу за властно-символические и экономические ресурсы, нежели на работу с многообразной мусульманской уммой. Таким образом, с точки зрения медийной повестки дня, отсутствие харизматичных и целеустремленных лидеров способствует проникновению ваххабитских идей в среду российских мусульман.

С темой внутренних распрей в российской умме тесно переплетается тематика усиления ваххабизма в регионах Поволжья, прежде всего – в Татарстане. Дискурс ваххабизации Поволжья предстает в газетных публикациях как прямое следствие отсутствия внутреннего единства в рядах мусульман России, на фоне чего экстремисты с легкостью ведут свою деструктивную работу. В газетной риторике начала 2000-х гг. большой акцент делался на проблематизации ситуации в Закамье, особенно – Набережных Челнах, где в свое время действовали радикальные медресе, шла активная вербовка добровольцев для «борьбы с Россией» и т.д. Что же касается соответствующей риторики последних лет, то акценты в проблематизации распространения ваххабизма в Поволжье и соседних регионах смещаются, и печатные издания сообщают уже о потенциальной готовности ваххабитского подполья к вооруженным действиям, направленным против государственных органов и их представителей. Распространенной является, например, компаративная стратегия конструирования проблемы ваххабизма, при которой ситуация в Татарстане, Башкортостане и соседних областях сравнивается с начальными периодами нестабильности в ряде северокавказских республик.

Интересной особенностью изученных СМИ является внимание к т.н. проблеме «русского ваххабизма». Печатные издания обращают внимание на то, что носителями идей мусульманского экстремизма все чаще становятся те, кто этнически принадлежит к русскому или славянским этносам. Последнее усиливает проблематизирующий эффект статей, т.к. подобные тексты конструируют риторику «двойного предательства»: «русские ваххабиты» сначала «предали свою веру», а затем совершили «второе предательство», встав на сторону тех, кто борется против российского государства.

Дискурс социального контроля над девиацией (государственного противодействия ваххабизму) в основном носит оценочный характер, не предполагающий предоставления каких-либо рекомендаций по методам борьбы с ним, что соответствует такой особенности моральных паник, как общественная озабоченность и требование «что-нибудь предпринять» в отношении проблемной ситуации. С другой стороны, пассажи рекомендательного характера, как

правило, встречаются в печатных изданиях в виде высказывания отдельных политиков, государственных служащих или экспертов.

Газетные публикации, положительно оценивающие государственное противодействие ваххабизму, как правило, используют дискурсивную стратегию позитивизации, которая усиливается таким риторическим элементом, как аргументация (С. Тулмин, Д. Энингер, У. Брокрид), причем в качестве таковой предстают различные примеры из жизни южных регионов России (в частности, Ставрополя). Кроме того, позитивные тенденции в деле борьбы с ваххабизмом демонстрируются через дискурс «заслуженного возмездия». Практически всегда этот дискурс оперирует оборотами, связанными с убийством ваххабитов, являющихся участниками незаконных вооруженных формирований («уничтожена банда», «был убит», «обезврежен» и пр.), однако встречаются и пассажи, посвященные судебному преследованию тех, кто идеологически обосновывал боевые действия против федеральных сил на Северном Кавказе.

С другой стороны, немало в печатных изданиях и материалов, которые негативно отзываются о борьбе федеральных властей с ваххабизмом. Эффект сообщений о низкой адекватности действий федеральной власти усиливается и за счет историй о тех ваххабитах, которые, находясь в местах заключения, не просто не отказываются от своих убеждений, но и вербуют новых сторонников в т.н. «тюремные джамааты».

Следует, однако, признать, что не все материалы печатных изданий конструируют образ ваххабитов как фанатичных приверженцев экстремисткой идеологии. Ряд публикаций активно обращается к т.н. риторике неискренности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз), демонстрируя, что отдельными ваххабитами движут иные, весьма прозаические, мотивы, в частности, финансовый интерес.

В заключение также следует отметить, что отдельные, малочисленные материалы в печатных изданиях деконструируют доминирующий негативный образ ваххабизма. Стратегия деконструкции в подобных случаях нацелена на недопустимость смешивания понятий «ваххабизм» и «терроризм / экстремизм / бандитизм».

Таким образом, проведенное исследование показало, что в период 2001–2005 гг. в печатных изданиях прослеживается моральная паника, связанная с ваххабизмом, которая коррелирует с периодом усиления террористической активности на территории России. С точки зрения риторических особенностей, ваххабизм как религиозная девиация конструируется, в основном, с помощью дискурсов терроризма и противопоставления ваххабизма традиционному исламу, а также ряда иных, менее значимых дискурсов.

The Construction of the Image of Wahhabism in Press

I. Nurutdinov, R. Safin, A. Salagaev
Kazan National Research Technological University

The paper deals with main specific features of construction of the image of Wahhabism in several federal newspapers. The authors analyze prevailing of certain themes in media discourse and trace main discourses that are used for the construction of the image of Wahhabism.

Key words: Wahhabism, social construction of deviations, research of press.

